

КОРОНА
из
ЖЕМЧУГА
и
КОРАЛЛОВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОРОЛЕВСТВО МОРЯ И МАГИИ»:

«КОРОНА ИЗ ЖЕМЧУГА И КОРАЛЛОВ»

Продолжение следует...

КОРОНА
из
ЖЕМЧУГА
и
КОРАЛЛОВ

МАРА РЕЗЕРФОРД

Freedom

Москва

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P34

CROWN OF CORAL AND PEARL

Copyright © 2019 by Mara Rutherford
Published by arrangement with the author and her literary agents,
Triada US Literary Agency (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
All rights reserved.

Дизайн обложки *М. Кияниченко*

Иллюстрация в макете *Данила Селеверстова*

Резерфорд, Мара.

P34 Корона из жемчуга и кораллов / Мара Резерфорд ; [перевод с английского А. Самойловой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Young Adult. Королевство моря и магии).

ISBN 978-5-04-156188-8

На протяжении многих поколений наследные принцы Иларии женились на самых красивых девушках из деревушки у моря. Всю жизнь Зейди готовили к тому, что однажды она станет частью королевской семьи. Но девушка не хотела уезжать и расставаться со своим возлюбленным. И тогда она придумала план: прикоснуться к медузе и нанести себе жуткие шрамы...

У родителей Зейди не осталось выбора, кроме как отправить в Иларию ее сестру, Нору. Девушка прибыла в королевство и вскоре узнала, что ее будущий муж — холодный и одержимый тиран, а стены замка скрывают жестокое убийство.

Принц задумал коварный план, угрожающий жителям деревни, а в королевстве назревает восстание. Норе предстоит придумать, как уцелеть самой, защитить близких и не раскрыть главный секрет кровавого коралла...

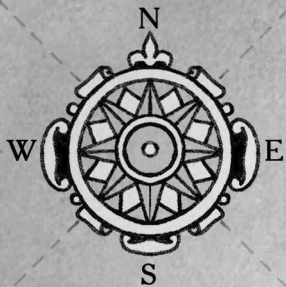
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самойлова А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-156188-8

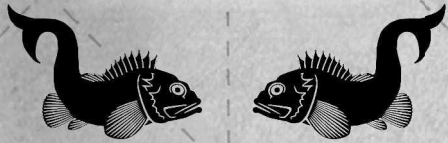
Джону — за то, что подарил мне мир.
И Саре — за то, что всегда освещала мне путь домой.

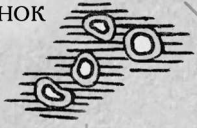
Острова
Пенери

Алтийское море

Плавучий
рынок

Кувен

Вариния

1

Иногда я задаюсь вопросом: имена ли предопределили наши судьбы или же наоборот? Нора и Зейди: коралл и жемчужина. И то и другое драгоценно для нашего народа, и то и другое достаточно хорошо, чтобы украшать шеи королев. Однако жемчужина ценится за свой блеск, свою форму, свою безупречность, а с кораллом дела обстоят иначе. Он растет, разветвляясь. В естественном виде его совсем нельзя назвать красивым.

И все же мы с Зейди родились равными по красоте, изяществу и сообразительности. Мы были, по мнению старейшин, милейшими среди всех малышей, когда-либо рожденных в Варинии. Мама гордо катала нас в семейной деревянной лодке, где мы с Зейди провели большую часть своего детства. Она надевала на нас широкополые шляпы, чтобы избежать солнечных ожогов на нашей оливковой коже; она заставляла отца шлифовать острые края нашей мебели; ни единый темный волосок с наших голов не был принесен в жертву ножницам. Каждый вечер она осматривала наши ссадины или царапины, а затем отчитывала нас, чтобы мы были осторожнее, пока втирала масла и целебные мази.

В конечном счете варинийки были одарены столь же богатым разнообразием волос, каким было разнообразие рыб в наших водах: от прямых до кудрявых, от цвета льна до цвета эбенового дерева. А наша кожа была гладкой и здоровой при любом оттенке от золотистого до цвета обожженной меди, красота в нашей деревне была возведена в культ. Черты лица девушки должны быть симметричными и с правильными пропорциями, кожа — сияющей, взгляд — лучистым, пытливым, но ни в коем случае не слишком прямым. Ее внешность всегда должна быть безупречной независимо от времени и места. Чтобы поистине выделиться на фоне остальных, девушка должна быть не иначе как совершенством. Ведь в Варинии быть красавицей являлось не просто удачей. Раз в поколение определялось, кто из нас станет принцессой.

— Нора! — завопила Зейди, оттаскивая меня от края лодки, где я балансировала на одной ноге. — О чем ты только думаешь? Нельзя допустить, чтобы ты сейчас поранилась.

Я почесала голову, которую саднило от того, что мама слишком туго заплела мне волосы в качестве наказания за то, что вчера я забыла свою шляпу. Она вечно переживала из-за того, что солнце сделает наши шелковистые волосы ломкими или — не дай бог — проявит веснушки, но сейчас сердитое урчание моего пустого живота было достаточно громким, чтобы заглушить пронзительный голос мамы в моей голове. Мы часами выискивали устриц, но безрезультатно. Зейди, неизменно послушная дочь, оттолкнула мою руку.

— Пожалуйста, ради мамы, веди себя как полагается. Ты же знаешь, как она переживает насчет церемонии.

Церемония. А когда мама не волновалась об этом? Сколько безоблачных дней, проведенных в тени нашего бревенчатого домика на сваях, сколько упущенных возможностей понырять за жемчугом из-за того, что на море сильно бушевали волны... Этим я обязана церемонии и маминой одержимости.

— Наше королевство безгранично, — любил повторять отец, стоя на узком балконе, закрывая рукой глаза от солнца и охватывая взглядом горизонт. Возможно, для него это было правдой, но наша жизнь служила постоянным напоминанием о том, что однажды наследный принц Иларии достигнет брачного возраста. И как было в течение нескольких сотен лет, так и сейчас старейшины в конечном счете выберут ему в невесты самую прекрасную девушку Варинии. Последняя девушка покинула нас двадцать лет назад, когда нынешний король был еще принцем, а стайки рыб — намного плотнее. Но мама уверила нас, что она и наполовину не обладала такой красотой, как Зейди и я. До случившегося она поддразнивала старейшин, что им придется отправить принцу нас обеих и позволить ему самому выбирать, поскольку мы были столь же неотличимы, как серебристые рыбки-перышки.

Сейчас, конечно, было понятно, кого отправят. Небольшой розовый шрам на моей правой скуле стал единственным, что отделяло меня от короны. В любом другом месте моего тела несовершенство размером с варинийскую жемчужину можно было бы и не заметить, но на фоне безупречной кожи Зейди эту неровную отметину не заметить было трудно. К счастью, у меня было семь лет после случившегося для того, чтобы подготовиться, семь лет сравнительной свободы от постоянной суеты нашей мамы. Во всяком случае, по сравнению с Зейди.

Я плюхнулась обратно на подушки на дне нашей лодки и подняла лицо к испещренному облаками небу.

— Ты готова к этому? — спросила я.

— К чему? — с напускным непониманием спросила Зейди, натягивая свою юбку на открытые лодыжки.

— Покинуть Варинию. Оставить маму и Сэмиэля.

Оставить меня.

— Ты не знаешь, выберут ли они меня. Ты такая же красивая, как и я, и ты никогда не болеешь. И до меня дошли слухи, что Элис тоже рассматривается.

Я скептически приподняла бровь.

— Мама говорит, что даже со своим шрамом я красивее, чем когда-либо будет Элис. Как же она сказала? «Стоит только Элис улыбнуться, и принц побежит за нянькой при виде ее кривого зуба».

Зейди нахмурилась.

— Маме не стоит говорить такие вещи. Элис ничего не может с этим поделать.

— Как и мама, — сказала я, взглянув искоса.

Зейди потянула за одну из веревок, свисающих с борта лодки, хмуро поглядывая на крошечную рыбку, болтающуюся на конце. Уже несколько лет в наших водах вылов рыбы превосходил все мыслимые пределы, хотя никто, казалось, не желал этого признавать. Зейди бережно положила переливающееся чудо на ладонь, сняла крючок и забросила рыбку обратно в море. Она была слишком мелкой для еды. Впрочем, мы могли бы использовать ее в качестве приманки, если бы тут можно было поймать что-то крупнее.

— Я знаю, что с мамой бывает нелегко, но она просто хочет для нас лучшего, — спустя какое-то время сказала Зейди. — Того, чего она сама была лишена.

Полдюжины едких комментариев всплыли в моей голове, но я прикусила язык.

— Возможно, ты права.

И хоть я никогда ей не говорила, но знала наверняка, что Зейди будет избранной; единственной из нас, кто когда-либо ступит на землю — то, о чем я мечтала с самого детства. Со шрамом или без шрама, я никогда не была настолько красивой, как Зейди. В Варинии мы всегда искали несовершенства, будь то в жемчужинах или в людях, а Зейди всегда замечала только хорошее. Буквально на прошлой неделе, пока я горевала об ущербе, нанесенном нашему дому прошедшей бурей, Зейди наблюдала за небом, выискивая радугу.

И даже когда нашей маме было совсем плохо, Зейди могла найти хорошие слова, чтобы ее поддержать.

Я никогда не смогла бы стать такой хорошей, я не обладала таким чистым сердцем. И с этим было тяжелее всего смириться.

— Я собираюсь поплавать, — сказала я, жалея, что не могу сбросить с себя мысли так же легко, как юбки.

Зейди тревожно осмотрелась вокруг. Как юные леди на выданье, мы не должны были появляться на людях босоногими, но нырять в юбке было не просто сложно — это было опасно. Раньше, когда устриц было в изобилии, ныряли в основном юноши. Но сейчас девочки и женщины по возможности им помогали. А в нашей семье, учитывая ежедневную рыбалку отца и отсутствие братьев, других вариантов, как распределить работу, не оставалось. Даже мама не могла много жаловаться, она знала, как сильно нам нужны были дополнительные деньги.

— Ты идешь? — спросила я.

— Соль высушит нашу кожу. И мама об этом узнает.

Я поставила руки на бедра и ухмыльнулась.

— Последний, кто найдет устрицу, должен будет сегодня готовить ужин.

По правде говоря, мы не могли позволить себе вернуться домой с пустыми руками. Не могли, если хотели поесть на следующей неделе. Но было проще притвориться, что все это было игрой, той, в которой на кону не стояли жизнь или смерть.

— Готова?

Она покачала головой, но ее пальцы уже были заняты развязыванием своей юбки и стягиванием туники, чтобы прикрыть бедра.

— Ты жестока, — сказала она, а затем спрыгнула с лодки в прозрачную воду.

Я нырнула вслед за Зейди и пронеслась мимо нее ко дну. Нарастающее в ушах давление заглушило мой слабый внутренний голос, шепнувший: «Я знаю».

Несколькими часами позднее я помешивала в горшочке водянистое рыбное рагу на огне. Когда Сэмизль вошел в дом, его тело все еще блестело от морской воды после плавания. Сэми был нашим лучшим другом и единственным мальчиком в деревне, который осмелился играть с нами в детстве. Мало того, что наша мама была

строгой сверх меры, так еще и отец наш был лучшим другом губернатора. Однако Сэми был освобожден от маминых нагоняев, поскольку его отцом как раз и был губернатор.

— Только не говори мне, что Зейди нашла устрицу быстрее тебя, — поддразнил он. Сэми любил соревноваться так же, как и я, но Зейди сегодня повезло. Устрица лежала на небольшом столике из коряг, уже очищенная и, к сожалению, без жемчужины.

Наша главная валюта, очень редкие розовые жемчужины, которые можно было найти только в водах Варинии, в последнее время также стала редкостью из-за того, что аппетит иларийцев к жемчугу продолжал расти. Жемчужины шли на украшения для знати, а также их измельчали и добавляли в кремы для кожи и декоративную косметику. В большинстве варинийских семей имелась небольшая баночка с целебной мазью из жемчуга, но ее следовало беречь на крайний случай, так как многие из нас были здоровы от природы, проводя столько времени в наших водах, которые, как поговаривали, как раз и делали жемчуг таким особенным. После случившегося мама ежедневно наносила крем на мой шрам в надежде максимально его скрыть, но в итоге прекратила, когда поняла, что он никогда полностью не исчезнет.

Сэми бросил потускневшую медную пуговицу на стол рядом с пустой створкой устрицы.

— Смотри, что у меня есть для Зейди.

Я неодобрительно *цыкнула*. Согласно закону, Илария была нашим единственным торговым партнером, поставляющим нам все, что не могло предоставить море: одежду, фрукты и овощи, инструменты, книги, бочки и питьевую воду. Даже дрова нам доставляли из Иларии. Но Сэми был исключением из правила. Он часто торговал тайно — и противозаконно — с нашими кузенами, галетянами. Более века назад небольшая группа варинийцев, рискуя своими жизнями, ступила на землю, а затем сбежала на север с табуном украденных иларийских лошадей. Эти лошади

стали основой галетской культуры, в то время как волны сформировали нашу.

Иларийцы прозвали нас «детьми волн». И именно так они к нам и относились: как к детям.

Иларийцы имели доступ к богатствам, о которых мы могли только мечтать, — не только к питьевой воде и еде, но и к современному оружию и тысяче мужчин. Порой отчаявшийся вариниец пытался высадиться на иларийской земле в поисках более легкой жизни вдали от капризов моря, но с ним обычно оперативно и решительно справлялись солдаты, патрулирующие береговую линию. Возможно, кому-то это и сошло с рук, но пойманного перебежчика ждала неминуемая гибель — в Иларии могли устранять наших людей быстро и без всякого суда и следствия. Ведя с нами дела, они ясно давали понять, что любое нарушение закона Иларий грозит скорой и бесславной смертью.

Я ткнула пуговицу с напускным безразличием, хотя на самом деле меня восхищало все с земли.

— И что же Зейди будет делать с этой пуговицей? Будет застегивать с ее помощью свои брюки, которые не носит?

— Я шью для нее плащ, который она возьмет с собой, когда уедет. В Иларии ей будет холодно.

Сэми не хуже меня знал, что Зейди будет избрана на церемонии. Для него это было так же тяжело, как и для меня, потому что он тоже ее любил. Всегда любил. Я подзревала, что Зейди отвечала ему взаимностью, но они оба знали, что однажды она уедет, чтобы выйти замуж за принца, и поэтому их отношения не могли быть чем-то большим, чем дружба.

— Это так трогательно, — сказала я, — но тебе не следует торговать с галетянами. Если тебя поймают, то повесят.

— Тогда, я полагаю, меня не поймают, — улыбнулся он, обнажив зубы, белые как ракушки на фоне своей загорелой кожи. У юношей не было таких проблем, как у варинийских девушек, по крайней мере, когда дело касалось шрамов и ожогов. Но им приходилось обеспечивать свои семьи, хоть это становилось все труднее. В прошлом году двух